

Прочитавъ ее, я остолбенѣлъ — тамъ было лаконически сказано: „Приходите скорѣе, Сѣровъ умеръ“... Мы знали, что онъ боленъ, но никто не ожидалъ такого трагическаго исхода: онъ умеръ скоропостижно. Идти туда меня не пустили, а вмѣсто меня отправились А. Майковъ и Висковатовъ.

На завтра я стоялъ среди многочисленнаго народа, собравшагося на квартирѣ Сѣрова, и слушалъ печальный напѣвъ панихиды. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ Исаакіевскаго собора; они пришли отдать послѣдній поклонъ тому, кто лежалъ передъ ними молча, спокойно, величаво, но уже безъ дыханія...

Смерть ужасна, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть что-то притягивающее. Точно силишься заглянуть сквозь непроницаемый мракъ, откуда никто никогда не возвратился... Послѣ мучительной борьбы напряженнаго страданія, лицо умирающаго вдругъ принимаетъ тихій, спокойный и задумчивый видъ, какъ будто говорить тебѣ: „всю жизнь я искалъ то, что теперь нашелъ; теперь я все знаю“...

Подъ стройный напѣвъ душу особенно щемило: хотѣлось плакать, рыдать, но я не могъ, и потому моя внутренняя боль была еще сильнѣе... Тронулась печальная похоронная процессія къ Невской лаврѣ, откуда возвращаются одни только провожающіе. Мы всѣ искренно пожалѣли Сѣрова и съ грустью вернулись домой.

Говоря объ отшедшихъ, какъ-то странно сейчасъ затѣмъ заговорить о себѣ, но такова моя теперешняя задача. — Я все не поправлялся. Что мнѣ было дѣлать? Положеніе было незавидное, финансы такіе же, какъ и здоровье, не лучше и не хуже. Все, что я могъ сдѣлать, это было: не думать. Я читалъ, чинилъ свое бѣлье... но болѣзнь давала знать о себѣ. Обрадовался, когда ко мнѣ зашелъ Крамской; я всегда былъ радъ видѣть этого серьезнаго человѣка, горячо относившагося ко всему хорошему. Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, онъ сказалъ прямо и рѣшительно: — Вамъ необходимо убраться отсюда.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ: — Куда? зачѣмъ? какъ оставить работу?

— Вамъ надо ѣхать, — повторилъ онъ внушительно.

— Ёхать?.. Ни за что! — отвѣчалъ я.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы здѣсь протянете ноги; прощайте!

— Ну, что-жъ дѣлать, — отвѣчалъ я ему вслѣдъ обидчиво, точно тутъ рѣчь шла только о моемъ самолюбіи.

Онъ ушелъ, я остался въ недоумѣніи. „Чего они отъ меня хотятъ?“ думалось мнѣ: „Въ самомъ ли дѣлѣ моя болѣзнь такъ